

ПОИСК ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ МАКСА ФРИША «ШТИЛЛЕР»

М. А. Межейникова

Белорусский государственный университет, г. Минск;

mmezheynikova@inbox.ru;

науч. рук. – Ю. Г. Курилов, канд. филол. наук, доц.

В статье исследуется процесс поиска и распада личностной идентичности в романе «Штиллер» (*Stiller, 1954*) швейцарского писателя Макса Фриша (Max Frisch, 1911 – 1991). Стремление главного героя отказаться от собственной биографии и совершить попытку бегства, выбрав новое имя и образ, устанавливает параллель темы формирования личности с переосмыслением традиционной романной формы – «романа становления» XX в. – и его трансформацией в «субъектный» тип. На примере нарративной стратегии («расщепленный субъект») автор показывает разрыв человека и общества, фрагментарность и отчужденность обоих. В связи с установленным расколом между вымышленным и латентным «Я» героя обозначена роль Другого (как общества, так и фрагмента собственной личности) в процессе самопознания.

Ключевые слова: личность; поиск «Я»; существование; идентичность; концепция Другого; распад.

Макс Фриш (Max Frisch, 1911 – 1991) – выдающийся представитель немецкоязычной швейцарской литературы, автор в высшей степени оригинальный, известный в первую очередь как прозаик, драматург и эссеист. Классик презирал стереотипное мышление и излишнюю торжественность как в жизни, так и в творчестве, поэтому главным отличием его произведений является неординарный подход к рассмотрению «вечных сюжетов».

Сквозными темами для писателя становятся поиск идентичности, свобода личности, роль общественной морали на пути становления человека, мотив маски и двойственности, экзистенциалистские мотивы и многое другое, связанное напрямую с индивидом. Эти темы очень хорошо вписываются в общее литературное пространство XX века, в котором доминирующие позиции занимает образ личности, построенный на поисках пути к самому себе, к своему истинному «Я», которое спрятано, уничтожено или искажено самим человеком. Это литература, авторы которой как никогда ранее осознали хрупкость собственного «Я», обесценивание и отчуждение личности. Смирение порождало ненависть и гнев, развивало зависимость и в то же время отстраненность индивида от происходящего. Мир больше не рассматривался как некая сплоченная организация, господствовал абсурд, вследствие чего происходило «редуцирование» образа человека, утрата его портретных черт и возрастала концентрация на внутреннем «Я».

В 40–50-х гг. М. Фриш рассматривал индивидуалистический протест против абсурдного мироустройства как единственную возможность преодолеть отчуждение. Автор настаивал на свободе действий как точке отсчета, с которой начинается подлинное развитие человека. Лишая человека этой свободы, общество тем самым лишает его возможности роста. Фриш не

случайно ссылается в произведениях на датского религиозного философа С. Кьеркегора (S. Kierkegaard, 1813 – 1855), одного из предвестников экзистенциализма. Согласно Кьеркегору, общество и личность не могут быть едины. Человек постоянно задается вопросами о смысле собственного существования, о том, как жить и чем заниматься в своей жизни, на какие правила опираться при выборе стратегии поведения. Мир, в котором живет человек, всегда остается для него непонятным и загадочным.

В связи с этим следует обратиться к теме формирования личности, связанной напрямую с переосмыслением традиционных форм художественного выражения, в большей степени – романа. Речь пойдет о первом романе из трилогии Макса Фриша – «Штиллер» („Stiller“), опубликованном в 1954 году.

По мнению М. М. Бахтина, роман – «единственный становящийся и еще не готовый жанр», рождение и становление которого «совершается при полном свете исторического дня» [2, с. 447]. В продолжение мысли о непрекращающемся развитии романной формы, Н. Т. Рымарь отмечает, что роман каждый раз получает новое развитие в переходные моменты истории культуры, когда «происходит проблематизация традиционных способов понимания личности, когда распадаются формы единства человека и мира, происходит отчуждение личности от общества» [4, с. 95].

По этой причине необходимо обратиться к рассмотрению эпохи, в которой творил Макс Фриш, так как в модернизме поиски цельности личности в мире, потерявшем свою ось, представлены как постоянные метания – между внешними конфликтами и внутренними комплексами, «стремлением замкнуться на себе» и «раствориться в массе, чтобы забыть и потерять себя, освободиться от бремени ответственности за свою личность» [3, с. 25].

Личность и ее формирование являются неизбежными участниками большинства романских форм, таких как «роман становления», психологический и философский романы, социально-бытовой и социально-психологический, черты которых присутствуют в «Штиллере».

Так, в «романе становления» XX в. главным предметом остается «история героя», однако смещаются акценты ее изображения: на первый план выдвигается важность характерного для модернизма экзистенциального компонента проблемы – как онтологической возможности сохранения внутреннего единства.

Главный герой рассматриваемого романа – «пропавший без вести» около шести лет назад (январь 1946) Анатолий Людвиг Штиллер, который с первых страниц отказывается от своего имени („Ich bin kein Stiller!“ [8, S. 9]) («Я не Штиллер!» [6, с. 91]), гражданства, семьи и окружения в целом, однако принимает новое – Уайт, в связи с чем можно говорить о нарративной стратегии, которая устанавливает раскол между вымышленным «Я» американца Уайта и латентным «Я» Штиллера. Вымышленное «Я» не в состоянии выполнить приказ защитника (события происходят в тюрьме) записать жизнь в форме дневника, чтобы рассказать всю правду: „Heute bringen sie mir dieses Heft voll leerer Blätter: Ich soll mein Leben niederschreiben!

wohl um zu beweisen, daß ich eines habe, ein anderes als das Leben ihres verschollenen Herrn Stiller“ [8, S. 9] («Сегодня они принесли мне эту тетрадь – множество чистых листков, потребовали, чтобы я описал свою жизнь! – как видно, ждут доказательства, что какая-то жизнь у меня была, причем иная, чем у их без вести пропавшего господина Штиллера» [6, с. 103] (Перевод Е. Канцевой). Кроме того, фиктивное «Я» существует лишь с момента попытки самоубийства, предпринятой Штиллером.

Тем не менее, скрытое «Я» Уайта имеет обширную, по его представлению, историю жизни – импровизированную биографию, о которой герой может рассказывать лишь в форме третьего лица, предаваясь воспоминаниям, поскольку окружающие идентифицируют его как единственного Штиллера. Содержание «Уайтовых» заметок Штиллера – это прежде всего внешнее, то, что находится за пределами собственного «Я»; то, что порождает внутренний конфликт. Отсюда вытекает прием недостоверного рассказчика и явление мультиперспективности, вызванное разрывом «Я». Уайт, стремящийся убедить присутствующих в реальности своего существования, терпит поражение, когда в конце концов признает собственное имя и погибает.

Штиллер-Уайт – один человек, который, так или иначе, пребывает в разных реальностях – действительной и вымышленной, что проявляется на нескольких уровнях текста: 1) форма дневника, в которой, казалось бы, должны быть запечатлены реально пережитые моменты; 2) позиция автора, с помощью которой читатели становятся соигроками прочитываемого текста; 3) повествовательная стратегия, в ходе которой происходят многочисленные изменения, предстающие как сигналы переключения реальностей; 4) феномен «текста внутри текста» – сны, притчи и обыкновенные истории из повседневной жизни, так называемые фрагменты, содержащие экзистенциальную проблематику.

Следовательно, на примере нарративной стратегии мы сталкиваемся с глубокой проблемой индивида. Не только жизнь героя является разорванной, но и в целом художественная форма (дневник с присущим ему фрагментарностью), происходит взаимовлияние внутреннего состояния, действительности и художественного мира. В дневниках автора можно прочитать размышления на данную тему: «По меньшей мере спорно, объяснима ли существующая тяга к эскизности личными недостатками... Позиция большинства современников, мне кажется, выражается вопросом, и форма вопроса, пока нет полного ответа, может быть только временной; и пожалуй, единственный облик, который он с достоинством может носить, – это действительно фрагмент» [5, с. 168]. С помощью фрагмента запечатлевается мгновенность, сиюминутность бытия, ощутить которую и стремится главный герой; подчеркивается субъективность впечатлений и переживаний; раскрывается абсурдность жизни в современном «отчужденном» обществе. Фрагмент «не дает опыта», он лишь «эскиз опыта» – небольшая иллюстрация; у него «есть направление, но нет конца», это вопрос, на который «пока нет полного ответа» [5, с. 168].

Фрагментарность в романе проявляется на всех уровнях текста: присутствует заданный формат «вопрос-ответ» (ключевым моментом является то, что «вопрошающих» гораздо больше: надзиратель, прокурор, судебная инстанция, все знакомые и родственники со стороны Штиллера – происходит так называемое «интервью со свидетелями»; ответчиком же является Уайт, вынужденный «протоколировать» произошедшее). Далее, фрагментарная форма связана с характером протагониста, с его переходностью. Наряду с этим фрагментарность приводит тому, что в тексте отсутствует четкая хронологическая последовательность. Из этого следует трансформация пространственно-временной организации, утрата непрерывности повествования, что способствует развитию разнонаправленных сюжетных линий, в которых обитают участники описываемых событий. В целом, фрагментированное сознание препятствует подлинной жизни как «вездесущности возможного» и проецирует лишь кажущиеся «переживания».

Как утверждает немецкая исследовательница Х. Эссельборн-Крумбигль, в повествовании «романа становления» основное внимание отводится не приобретению героем опыта и зрелости, но вопросу об «экзистенциальной возможности его становления в качестве субъекта» [7, с. 153]. Подобный «распад» и «преобразование» романной формы исследовательница рассматривает как необходимые моменты формирования романа нового типа – «субъектного», в котором «расщепленный субъект» в поисках собственной цельности становится центром повествовательной структуры. Подключая философскую концепцию нарратива, он (нарратор) выступает и как способ самопознания субъекта. «Я» рассказывает историю, потом прочитывает ее и таким образом узнает себя.

Уайт вынужден вести дневник от имени Штиллера, категорически отрицая свою тождественность с ним. Это своего рода исследование (психологическая экспертиза) по поиску «Я», которое имеет символический характер. Записывая все произошедшее, Штиллер фактически переживает свою собственную жизнь, но глазами посторонних (поскольку все описанные события связаны с «Другими» – теми, кто не в состоянии отрицать очевидное присутствие «старого» Штиллера: «Man kann alles erzählen, nur nicht sein wirkliches Leben; – diese Unmöglichkeit ist es, was uns verurteilt zu bleiben, wie unsere Gefährten uns sehen und spiegeln, sie, die vorgeben, mich zu kennen, sie, die sich als meine Freunde bezeichnen und nimmer gestatten, daß ich mich wandle, und jedes Wunder (was ich nicht erzählen kann, das Unaussprechliche, was ich nicht beweisen kann) zuschanden machen – nur um sagen zu können: „Ich kenne dich“») [8, S. 64] («Можно рассказать обо всем, только не о своей доподлинной жизни, – эта невозможность обрекает нас оставаться такими, какими видят и воспринимают нас окружающие – те, что утверждают, будто знают меня, те, что зовутся моими друзьями. Они никогда не позволят мне перевоплотиться, а чудо – то, о чем я не могу поведать, несказанное и недоказуемое, – они высмеют, лишь бы сказать: „Мы знаем тебя“») [6, с. 127]).

Следует отметить, что заметки Уайта – «текст внутри текста» о жизни Штиллера «до» и «после», где упомянуто множество событий как внешней, так и внутренней жизни.

Герой, который несколько лет назад добровольно ушел из мира людей, вынужден туда вернуться. Штиллер возвращается к тем, кто его знает исключительно как Штиллера, и вследствие этого вызывает узнавание, которое ввиду его самоотрицания, становится принудительной самоидентификацией. Персонаж мучается двойственностью своего положения и невозможностью обрести «себя», так как это всегда внутри – он осознает свое «Я» лишь как функцию социума. До тех пор, пока «Я» не признано Другими, оно не существует. Ввиду этого выступает концепция Другого и инаковость, которая познается именно в соотношении с «Я». В трактовке М. М. Бахтина, подлинное «Я» всегда обнаруживается в точке несовпадения человека с самим собою, в его идентификации с Другим и рассматривается как путь, ведущий к диалогу [1, с. 13].

Однако именно Другой сыграл в процессе распада личности главного героя существенную роль: сначала его преследовали навязанные стандарты, а затем он сам превратился в того, кто с одной стороны, совершает побег, а с другой – все больше подчиняется происходящему вне его сознания. Другой – это не только окружающее общество, но и, в первую очередь, «Другое Я», которое существует в каждом человеке. На примере Штиллера эту позицию занимает субличность Уайт, выражающаяся в попытке бегства и стремлении изменить внутреннюю сущность.

Шестилетнее бегство не привело героя ни к чему. Вероятнее всего, это время не было наполнено какой-либо целью и смыслом, кроме как убить в себе свое прошлое, являющееся первопричиной. Единственное, чего добился Штиллер – полное отчуждение: «*Stiller blieb in Glion und lebte allein*» [8, S. 433] («Штиллер остался в Глионе и жил один» [6, с. 447]).

Достигнув диссоциации, герой расстался со всем обществом, однако не выдержал подобного рода испытания и оказался вновь в отправной точке. Вернув себе конкретный образ, он получил возможность углубить свой бунт уже как единица социальная.

Побег от современной действительности, от цивилизации углубляется через панораму истории, ведь события происходят в послевоенной Швейцарии, известной прежде всего позицией нейтралитета. Образ тюрьмы, в которой происходит воспроизведение пережитого, выступает как метафора «неидентичности» и перерастает в общий символ современного состояния мира. Используемое понятие «неидентичности» соотносится с внутренним и внешним состояниями героя, их разрозненностью. Пребывая в обществе Других, живя по их представлениям, личность теряет всякую опору внутри себя, что и произошло со Штиллером.

Итак, поиск личностной идентичности в романе тесно связан с культурно-историческим и социальным контекстом. Не только протагонист, но и романная форма проходит становление на протяжении всего повествования. В связи с потрясениями XX века стала очевидной способность человека к утрате

под давлением обстоятельств своего лица, шаблонность множества человеческих судеб, сформированных под воздействием подавляющей действительности. Автор объединил несколько типов романов, чтобы показать как восхождение, так и нисхождение главного героя.

Личность, пребывающая в заточении, стремится вырваться из оков и найти ключ к собственному «Я», выбирая другое имя и исчезая из общества. Однако многолетние скитания привели к истоку и герой вынужден смириться с имеющейся биографией и жизненным путем, чтобы покинуть очередные – на этот раз – тюремные оковы.

Библиографические ссылки

1. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1972. – 470 с.
2. Бахтин, М. М. Эпос и роман (О методологии исследования романа) / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 447–483.
3. Рымарь, Н. Т. Проблематизация художественных форм в 20-е годы XX века / Н. Т. Рымарь // Художественный язык литературы 20-х годов XX века : Сб. статей. – Самара, 2001.
4. Рымарь, Н. Т. Романное мышление и культура XX века / Н. Т. Рымарь // Литературный текст : Проблемы и методы исследования: Сб. науч. трудов. – Вып. 6. – М. ; Тверь, 2000.
5. Фриш, М. Листки из вещевого мешка: Художественная публицистика / М. Фриш. – М. : Прогресс, 1987. – 343 с.
6. Фриш, М. Штиллер / М. Фриш // Листки из вещевого мешка; Штиллер / М. Фриш. – М. : Худож. лит., 1991. – 447 с.
7. Esselborn-Krumbiegel, H. Der „Held“ im Roman : Formen des dt. Entwicklungsroman im frühen 20. Jh. / H. Esselborn-Krumbiegel. – Darmstadt : Wiss. Buchges., 1983. – 211 S.
8. Frisch M. Stiller / M. Frisch. – Frankfurt am Main : Suhrkamp Verlag, 1973. – 437 S.